

УДК 821.112.2(436)-4(Мюллер Р.)
ББК ШЗЗ(4Авс)6-8,444

ГЧНТИ 17.07.31; 17.07.51; 16.21.33

Код ВАК 10.01.03

И. Г. Мальцева I. G. Maltseva

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**АМБИВАЛЕНТНОСТЬ
КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
МЫШЛЕНИЯ РОБЕРТА МЮЛЛЕРА:
ЭССЕ «БОЛЬШЕВИК И ДЖЕНТЛЬМЕН»**

Аннотация. В своем известном политическом эссе, наглядно отражающем амбивалентность его культурно-политического мышления, Роберт Мюллер рассматривает большевизм как активистский феномен, выходящий за рамки политической формы, противопоставленный материалистическому миру капитализма и имплицитно несущий в себе диффамацию демократии. Демократия и капитализм, по мнению Р. Мюллера, препятствуют культурному и антропологическому развитию человека, приводят к апатии общества. Культурный революционер, как утверждает Р. Мюллер, должен полностью исключить из размышлений экономические соображения. Утвердившаяся при большевизме форма общественного порядка описывается как прототип того, к которому должно стремиться человечество.

Ключевые слова: Роберт Мюллер (1887—1924); культурно-политическое мышление; активизм; большевизм; капитализм; демократия; культура; государство.

Сведения об авторе: Мальцева Инга Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии, Институт иностранных языков.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 464.
e-mail: inmalzeva@mail.ru.

**THE AMBIVALENCE
OF ROBERT MULLER'S POLITICAL
AND CULTURAL THINKING:
ESSAY "BOLSHEVIK AND GENTLEMAN"**

Abstract. In the well-known political essay by Robert Muller the ambivalence of his political and cultural thinking is clearly reflected. There the Bolshevism as the activist phenomenon beyond the limits of the political form, that the implicitly the defamation of the democracy contains, is considered and to the materialistic world of the capitalism is opposed. Democracy and capitalism, according to R. Muller, hinders cultural and anthropological development of a person, they lead to society apathy. Cultural revolutionary, as R. Muller states, must exclude economical ideas from his mind. The form of social order established in the period of bolshevism is described as a prototype of the order that the humanity should strive to.

Key words: Robert Muller (1887—1924); political and cultural thinking; activism; Bolshevism; capitalism; democracy; culture; state.

About the author: Maltseva Inga Gennadyevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of German Philology of the Institute for Foreign Languages.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Австрийский писатель Роберт Мюллер (1887—1924) относился к совершенно забытым именам классического модернизма вплоть до выхода в свет в 1990 г. нового переиздания его сочинений в издательстве «Igel» под редакцией Гюнтера Хельмеса. Благодаря этому изданию современному немецкоязычному читателю стали доступны произведения этого разностороннего и противоречивого автора, привлекавшего в свое время достаточно много внимания. Такие критики, как Франц Бляй, Альфред Дёблин, Герман Гессе, Макс Крель, Отто Флаке и Курт Хиллер, отчасти восторженно, а отчасти беспомощно-пренебрежительно высказывались о его творчестве.

Роберт Мюллер, центральный представитель активистского авангарда в Вене, с 1914 г. стал известен в литературных кругах немецкоязычной Европы как рассказчик, драматург и эссеист. Самая продуктивная

фаза его творчества началась после окончания Первой мировой войны. В это время он не только интенсивно занимается литературной деятельностью, но и пытается реализовать честолюбивые издательские проекты в «американском стиле», к сожалению завершившиеся банкротством. Именно неудачи в издательской деятельности и стали, по мнению большинства исследователей творчества Роберта Мюллера [Ср.: Expressionismus — Aktivismus — Exotismus 1981], причиной рокового выстрела 27 августа 1924 г.

Некролог, написанный другом и коллегой писателя Робертом Музилом и опубликованный после самоубийства Роберта Мюллера в газете «Prager Presse» («Прагер Прессе», «Пражская пресса»), наглядно демонстрирует то почтительное уважение, которое он вызывал у своих современников [Musil 1978].

Сегодня литературные и критические произведения Роберта Мюллера по праву

относятся к ведущим произведениям классического модернизма. В современном немецкоязычном литературоведении особое внимание завоевали два романа Роберта Мюллера — «Tropen» («Тропики», 1915) и «Camera obscura» («Камера-обскура», 1921), считающиеся его самыми интересными и значительными произведениями.

В содержательном плане эти романы представляют собой своеобразный калейдоскоп самых разнообразных экзотических, магическо-мистических, утопических, криминалистических, психологических и философских элементов, иногда кажущихся в высшей степени наигранными, а иногда раздражающе самодовольными и тривиальными.

В формальном плане оба романа продолжают традиции экспрессионистского литературного эксперимента, получившего здесь развитие в рамках специфической активистской эстетики автора.

В публицистических произведениях Роберт Мюллер с самого начала проявляет себя не только как политический комментатор — он отображает в них свои художественные и литературно-теоретические убеждения. При этом биолого-антропологический образ человека как существа духа и инстинктов становится основой как его политических, так и деятельно-эстетических позиций.

Теоретическим обоснованием данных позиций наполнены все его культурно-критические эссе, очень многочисленные и разнообразные по структуре и тематике. Эссе Роберта Мюллера можно представить как смесь социально-революционных, духовно-элитарных, расово-типологических и даже фашистских идей в стремительно разворачивающихся и зачастую противоречивых концепциях, у которых почти невозможно установить единый идейный стержень.

Сегодня, как и критики в свое время, исследователи затрудняются дать какую-либо единообразную оценку творчеству Роберта Мюллера. Это проявляется в восприятии его фигуры либо как первого идейного вдохновителя мультикультурного общества [Ср.: Нескнер 1992], либо в его критике как представителя расистской и фашистской идеологии [Ср.: Helmes 1981].

Мы, в свою очередь, придерживаемся мнения, что творчество Роберта Мюллера настолько многогранно, что открывает перспективы для любого анализа, так как именно в его произведениях наиболее ярко отразились все турбулентности его времени. Крушение эстетических, политических и идеологических систем девятнадцатого века, связанная с этим дезориентация, а также последовавшие затем прорывы десятых и

двадцатых годов нашли непосредственное отражение в его текстах, которые должны анализироваться именно в своей гетерогенности и противоречивости.

Напряженные идейные диспозиции того времени отразились в текстах Роберта Мюллера гораздо сильнее, чем в последующих, дистанцированных во времени романах («Человек без свойств» Роберта Музиля, «Лунатики» Германа Броха или «Марш Радецкого» Йозефа Рота и др.), именно потому, что он в своем стремлении вперед пытался от них освободиться.

Тем не менее постоянные пересмотры идей, новые концепции, опровержения и возвращение к какой-либо мысли или идее делают почти невозможной конкретизацию претензий и требований автора и существенно затрудняют формулирование какого-либо общего вывода о взглядах Роберта Мюллера на политику, государство и общество.

Эту постоянную тягу к переориентации Гюнтер Хельмес, один из первых исследователей творчества Роберта Мюллера, суммирует в своем чрезвычайно метком высказывании следующим образом: «Идеи формулируются беспрестанно, они комбинируются с другими, затем отбрасываются, подхватываются вновь в других контекстах, и так далее. То, что остается неизменным — это несокрушимая воля думать о мире как о целом и создавать проекты, ориентируясь на будущее» (здесь и далее перевод наш. — И. М.) [Helmes 1986: 226].

Данный вывод Г. Хельмес делает в связи с эссе Роберта Мюллера «Bolschewik und Gentleman» («Большевик и джентльмен», 1920). Данное эссе можно определить как наглядный пример установленных Г. Хельмесом парадигм. Большевизм восхваляется автором эссе как новый «воплощающий в жизнь» [Müller 1920: 54] и прославляется как созидательный принцип, в то же время он имплицитно несет в себе диффамацию демократии.

В эссе «Bolschewik und Gentleman» («Большевик и джентльмен») Роберт Мюллер тесно связывает свои цивилизационно-критические размышления с политическими и культурно-политическими вопросами, непосредственно касающимися будущего Германии и Австрии. При этом столкновение с цивилизационными проблемами в революционные 1917—1919 гг. становится основой политической и культурной утопии, сформулированной в данном эссе.

В рассматриваемом эссе Роберт Мюллер в основном ссылается на распространявшийся в России политический большевизм, однако его понимание этой политиче-

ской системы выходит за рамки политической формы: *Большевизм — это не коммунизм. Большеви́стской является аргументация: люди страдают, так действуй! <...> Не что, а чтобы что-то происходило — вот что имеет решающее значение: и это и является большевистским* [Müller 1920: 57].

Провозгласив большевизм активистским феноменом, Роберт Мюллер объясняет его с активистской позиции. По мнению Г. Хельмеса, причиной обращения Роберта Мюллера к большевизму стала невозможность реализации его прежних культурно-империалистических целевых установок. Именно поэтому в большевистской России Роберт Мюллер увидел политический фарватер, в котором его империализм немецкого духа способен продолжить движение. При этом большевизм в представлении Роберта Мюллера всегда мыслится в своем эвфемистическом преображении [Helses 1986: 217].

«Bolschewik und Gentleman» («Большевик и джентльмен») можно назвать самым выразительным и значительным политическим эссе Роберта Мюллера. Важность этого эссе заключается в первую очередь в том, что здесь автор совершенно ясно высказался против материалистического мира капитализма, который непосредственно связывает с демократией. При этом капиталистическому Западу выносится уничтожающий приговор, вызванный той формой демократии, при которой честная конкуренция больше невозможна.

По мнению Роберта Мюллера, демократия направлена на то, чтобы растерзать саму себя. Она сжимается до производящей селекцию инстанции, не предусматривающей равенство возможностей. В рамках западной «плутократии» [Müller 1920: 14], позорные правительства которой больше похожи на «карнавальные игрища» [Там же: 11], царит «изначально находящаяся в невыгодном положении конкуренция» [Там же: 14].

В восприятии Роберта Мюллера демократия и капитализм становятся синонимичной парой и симптомами больного общества. При этом автор эссе идет дальше, обвиняя капитализм, а тем самым и демократию, в том, что они препятствуют культурному и антропологическому развитию человека. По этой причине он и обращается с завистью к востоку, где большевизм открывается для него в первую очередь как шанс для нового социально-антропологического порядка.

Роберт Мюллер утверждает, что *такое общество, как западное, которое полноценным считает лишь эгоистичный экономический гений, должно как экономический спартанизм вести к застою и инертности*

[Там же: 16]. Тем самым он заявляет, что обращение к демократии одновременно ведет и к апатии общества, в котором прогрессивные влияния не находят никакого отклика [Там же: 11—16].

Высказывания Роберта Мюллера в эссе «Bolschewik und Gentleman» («Большевик и джентльмен») можно назвать в какой-то мере прогрессивными для него в смысле той выразительности и четкости, которая раньше у него не наблюдалась. Для Роберта Мюллера — активиста большевизм становится воплощением «действия» [Там же: 60]. *Пробудившиеся всего мира, также и здесь, на Западе, смотрят на Россию. То, что это больше предвидимое, чем планомерное, больше гениальное, чем наработанное опытом, что это действительно активистское, доказывают быстрые великодушные активные действия в защиту мира, которые у любого бюро по западному образцу потребовали бы год работы. В России думают, делают, пытаются* [Там же: 13].

Эта фраза — «думают, делают», и прежде всего «пытаются», — показывает, что Роберт Мюллер увидел в России новый вид активизма. Опираясь на эту установку, он включает в размышления концепцию диктатуры. Диктатура в качестве «исправительной меры» [Там же: 20] становится легитимной, ведь она служит лишь средством для уничтожения преимущества плутократии: *Возможно, это должна сделать система диктатуры Советов* [Там же: 42].

При всей очевидной симпатии Роберта Мюллера к принципам диктаторского режима, в особенности к большевизму, он также дает понять, что данная форма общественного устройства всего лишь временный прототип того порядка, к которому должно стремиться человечество как тип.

По этой причине Роберт Мюллер не классифицирует большевизм как законченную государственную форму в плане безупречного общества: *Веру мечтателей, что улучшение условий жизни уже само по себе облагораживает людей, опровергает тот факт, что состоятельный бюргер может быть негодяем, как и какой-нибудь бедняк. Но при этом забывают, что он как раз вследствие своей благоприятной ситуации имеет возможность для свободного времени и жизни, оторванной от материи, однако капиталистическая атмосфера со своим тщеславием многообладания никогда не позволит ему успокоиться. Лишь когда этот идейный яд и все его носители будут удалены из общества, улучшение может действовать и эволюционно. Это состояние должна обеспечить диктатура. Она*

является временным связывающим процессом, благодаря которому воздух должен очиститься от капиталистической бациллы, и никоим образом, если я правильно понимаю Маркса и Ленина, она не является конечной целью или идеалом [Там же: 19—20].

По мнению Штефани Хекнер, в дифференцировании диктатуры и демократии проявляется один нераскрытый тезис, который удивительным образом не опровергается и самим автором эссе: «Вопрос, как согласно активистской общественной теории Мюллера из диктаторской (воспитательной) государственной формы снова должна или может появиться форма демократическая, остается открытым. Здесь кроется проблема, поставленная аналогичным образом и основателями Мюнхенской Республики Советов. Как привести политически незрелый народ диктаторским путем к осознанию своей ответственности?» [Hekner 1991: 104].

Таким образом, в конечном итоге и диктатура, и демократия должны перейти друг в друга, чтобы из творческого принципа создать что-то новое. Несмотря на то что демократический принцип в полемике Роберта Мюллера еще представлен в самом черном свете и стилизован как бич капитализма, он должен сохраниться. «Целью является не сохранение обеих систем рядом друг с другом или постепенное уничтожение одной из них, а их соединение» [Schardt 1993: 214], — предполагает Михаэль Шардт в своем послесловии к эссе «Bolschewik und Gentleman» («Большевик и джентльмен»).

Роберт Мюллер, очарованный мыслью о том, что большевизм является прототипом идеала, прославляет его как нечто загадочное: *Большевик — это туман и миф, еще не обращенный вовне тропический ландшафт* [Müller 1920: 24]. Эту финальную необъяснимость можно попытаться понять с помощью критики его современников, выразивших свое мнение в рецензиях на процитированное эссе.

Так, Рихард Николаус Куденхове-Калерги в литературном журнале «Die Neue Rundschau» («Ди нойе рундшау», «Новое обозрение») в 1920 г. написал по поводу данного эссе следующее: «Автор, в неполитическом смысле, является одновременно и большевиком и джентльменом; в политическом смысле он не является ни коммунистом, ни демократом. Он не хочет ни диктатуры пролетариата, ни диктатуры буржуазии, и соответственно капитала, а хочет — диктатуры живого духа над мертвыми формулами и формами. По этой причине он противостоит как застывшему марксизму, так и стерильному парламентаризму. <...> „Боль-

шевик и джентльмен“ является более чем европейским и более чем актуальным: с пространственной точки зрения, его перспектива планетарная, со временной точки зрения — миллионная. Его тема — концепция большевистского человека будущего, одновременно и философское рассмотрение, и поэтический эскиз — смелые мысли в ослепительной форме» [Coudenhove-Kalergi 1981: 287—288].

Возвращаясь к политическому мышлению Роберта Мюллера, можно отметить отсутствие в 1920 г. в структурном плане каких-либо существенных изменений. На всех фазах всё начинается с безоговорочного желания, затем из этого желания формулируется более или менее четкая культурно-политическая программа, которая затем объединяется с существующими или мнимо существующими политическими направлениями и группировками, и, после исключения любых вопросов о возможности реализации, разрабатывается культурно-политический образ будущего мира.

Тем не менее в содержательном плане изменения наблюдаются. Если в своих размышлениях на ранних этапах творчества Роберт Мюллер всегда ставил создание нового культурного круга в зависимость от существования завершенной технической и экономической системы и в совершенстве организованной государственности, то в эссе «Bolschewik und Gentleman» («Большевик и джентльмен») очевидна новая позиция писателя.

В данном эссе Роберт Мюллер подчеркивает, что культурного революционера отличает именно исключение из размышлений экономических соображений. Он требует решительного уничтожения капитализма. Но на вопрос о том, что должно занять его место, для видимости дается расплывчатый ответ «социализм». В действительности же за этим ответом скрывается полная незаинтересованность Роберта Мюллера в животрепещущих общественных вопросах.

Его критика политико-экономической реальности почти во всех требованиях имеет лишь негативный характер. Для него в основном речь идет исключительно о «культуре» и «немецком духе», который необходимо нести в мир. Содержание этого «немецкого духа» так и остается неопределенным.

Роберт Мюллер рассматривает исключительно то, как и в каких условиях «культура» может возникнуть из «немецкого духа», а именно то, как индивид, независимо от всех объективных условий, несет во внешний мир то, что присутствует в нем неосознанно. В результате ограничения описанием

и оценкой лишь условий культурного производства, а не реальных продуктов культуры, культурно-политическое мышление Роберта Мюллера приобретает ту амбивалентность, которая находит свое выражение в эссе «Bolschewik und Gentleman» («Большевик и джентльмен»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Coudenhove-Kalergi R. N. Rezension zu Robert Müller, „Bolschewik und Gentleman“. 1920 // Expressionismus — Aktivismus — Exotismus: Studien zum literarischen Werk Robert Müllers (1887—1924) / Helmut Kreuzer ; Günter Helmes (Hrsg.). — Göttingen, 1981. S. 287—288.
2. *Expressionismus — Aktivismus — Exotismus* : Studien zum literarischen Werk Robert Müllers (1887—1924) / Helmut Kreuzer ; Günter Helmes (Hrsg.). — Göttingen, 1981.
3. Heckner S. Die Tropen als Tropus. Zur Dichtungstheorie Robert Müllers. — Wien ; Köln, 1991.
4. Heckner S. Eine Einführung // Rassen, Städte, Physiognomien: kulturhistorische Aspekte / Robert

Müller / Stephanie Heckner (Hrsg.). — Paderborn, 1992. S. 7—23.

5. Helmes G. Katholischer Bolschewik in der „Schwäbischen Türkei“. Zum politischen Denken Robert Müllers // Expressionismus — Aktivismus — Exotismus : Studien zum literarischen Werk Robert Müllers (1887—1924) / Helmut Kreuzer ; Günter Helmes (Hrsg.). — Göttingen, 1981. S. 178—216.

6. Helmes G. Robert Müller. Themen und Tendenzen seiner publizistischen Schriften (1912—1924): mit Exkursen zur Biographie und zur Interpretation der fiktionalen Texte. — Frankfurt am Main ; Bern ; New York, 1986.

7. Müller R. Bolschewik und Gentleman. — Berlin, 1920.

8. Musil R. Robert Müller // Gesammelte Werke in neun Bänden / Adolf Frisé (Hrsg.). — Hamburg, 1978. Bd. 8 : Essays und Reden. S. 1131—1137.

9. Schardt M. M. Nachwort // Irmelin Rose (Erzählung) und andere verstreute Texte ; Bolschewik und Gentleman (Essay) / Daniela Magill (Hrsg.), Michael M. Schardt (Hrsg.). — Paderborn, 1993. S. 209—216.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Пестова.